

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 351.751.5(09) 1181

### ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ВОПРОСАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Л. К. Старкова

Саратовский государственный университет  
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматриваются инициативы российского императора Александра I и негласного комитета в вопросе цензурной реформы. В статье рассказывается о влиянии общественного мнения при разработке цензурного устава 1804 года.

**Ключевые слова:** цензура, пресса, реформы, Александр I, негласный комитет, Сперанский, цензурный устав 1804 года.

**Governmental and Community Initiatives in Question of Regulation of Russian  
Censorship at the Beginning of the XIX Century**

L. K. Starkova

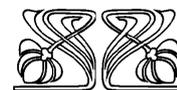
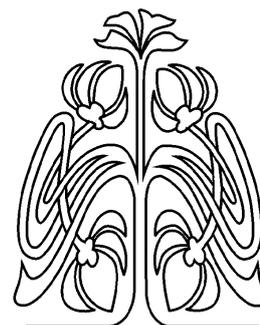
The article considers the initiatives of the Russian Emperor Alexander I and his Unofficial Committee in question of Censorship Reform. The article gives an account of the the community influence in question organization of the Censorial Statute of 1804.

**Key words:** censorship, press, reforms, Alexander I, Unofficial Committee, Speransky, Censorial Statute of 1804.

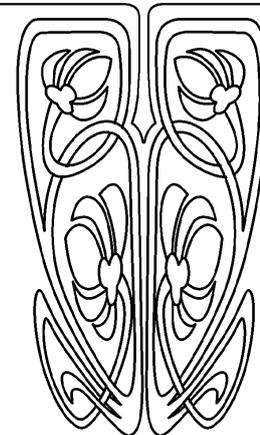
Изучение общественной жизни России невозможно без исследования проблем, связанных с положением печати. Власти с помощью печатного слова выражали свои взгляды на политические события и разъясняли предполагаемые реформы, а общество стремилось получить определенные сведения, знания, выразить отношение к событиям внутривластной жизни. В начале XIX в. степень свободы печати определяла, сможет ли власть объединить граждан и опереться на эти силы при решении первоочередных задач общественного развития. Тема свободы печати неразрывно связана с вопросом определения цензурных условий. К началу XIX в. в России сложилась непростая цензурная ситуация, связанная с внутривластными и международными причинами. Кроме того, следует учитывать установившуюся со времени Петра I традицию прямого вмешательства российских монархов в дела печати и цензуры. Поэтому общество ожидало от нового императора определенных инициатив.

Ни одно царствование не имело столь блистательного начала, как правление Александра I<sup>1</sup>. Следует отметить, что либеральное направление в первые годы Александровского правления было не только заметным и влиятельным, но и довольно разнообразным<sup>2</sup>. В 1802 г. И. Пнин так восторженно определил значение принятых Александром постановлений о печати: «Природа восторжествовала, талант восстал из пыли, в которой доселе пресмыкался, и истина везде без страха показываться может»<sup>3</sup>. Далее писатель обращается к императору: «Одни только просвещенные государи могут чувствовать нужду в просвещении народном... Возвратить права разума гонимому и стесненному, освободить его от уз, злобным невежеством на него наложенных, свойственно одной только мудрости»<sup>4</sup>.

В ряду реформ, осуществленных и проведенных в первые годы XIX в., наиболее интересна деятельность министерства народного



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





просвещения. Помимо организации училищ и университетов, многое было сделано в отношении регламентации печати. В обществе широко обсуждались различные варианты организации цензуры<sup>5</sup>, императору подавались записки и проекты, сочинения о пользе введения полной «свободы тиснения». Правительство также понимало, что печатное слово помогает объединить единомышленников, направлять общественное мнение. Мы рассмотрим, насколько широко простирались намерения реформаторов относительно свободы печати и в какой степени рамки цензурного контроля отвечали общественным ожиданиям.

Историки отмечают, что в России до середины 10-х гг. XIX в. в печати появлялось незначительное число публикаций на злободневные темы, волновавшие общественное мнение<sup>6</sup>, т. к. широкая публичная полемика о путях развития страны была невозможна в условиях нестабильной цензурной политики; кроме того, сказывался и негативный опыт цензурных притеснений во времена Павла I. Оппозиции невозможно было выразить свое отношение к действительности и к происходящим изменениям так же отчетливо, как в соседних европейских странах, из-за цензурных ограничений. Проекты возможных преобразований вызвали политические разногласия сторонников и противников нововведений<sup>7</sup>. Отечественные и зарубежные историки, рассматривая причины устойчивого консерватизма российского абсолютизма<sup>8</sup>, обращают внимание на уровень продуманности и проработанности направления общего курса правительственной политики, отношения к проблеме становления общественного мнения и возможности его выражения в печати<sup>9</sup>. Все эти аспекты имеют значение при анализе феномена российской цензуры, которая возникла, развивалась и изменялась согласно мнению монарха. Мы рассмотрим положение печати в начале царствования Александра I, когда в течение небольшого отрезка времени поочередно применялось несколько цензурных алгоритмов, соответствовавших постановлениям времени Екатерины II, Павла I (2-го периода) и Александра I, чтобы определить, чего ожидали от цензурных нововведений представители власти, издатели, авторы и читатели и как оценивали сложившуюся систему контроля над печатью все заинтересованные стороны<sup>10</sup>.

В данной статье ставится задача выяснить причины внимания к цензуре со стороны правительства и общества. Современники комментировали новые цензурные правила и промахи цензуров в разговорах, светских беседах, стихах, баснях, дневниках, журналах<sup>11</sup>. Большинство российских и зарубежных историков XIX в. рассматривало цензурные реформы как результат последовательного выполнения императором своей либеральной программы<sup>12</sup>. Интерес зарубежных ученых был вызван предшествовавшими этому периоду цензурными репрессиями и нестандарт-

ным подходом российских законодателей к регламентации цензурной деятельности. Немецкий историк литературы из университета Эрлангена доктор Ф. Отто в работе «История русской литературы», изданной в Оксфорде в 1839 г., высоко оценил влияние либерализации цензуры на развитие российской печати<sup>13</sup>. Российский вариант предварительной цензуры отличался от европейских образцов, что также обусловило интерес исследователей к этой теме. Д. Лири, профессор философии из университета Буффало, анализируя «записку» Сперанского от 1803 г., обратил внимание в планах Александра I на тесную связь проведения политических реформ и просвещения народа<sup>14</sup>. Канадский исследователь доктор Чарльз А. Рууд в монографии «Сражающиеся слова. Имперская цензура и русская пресса, 1804–1906» обращает внимание на либеральный характер цензурного устава 1804 г. и дает реальную картину начального этапа правления Александра I, но при этом несколько идеализирует характер отношений цензуров и авторов (единодушие). В то же время этот исследователь отмечает, что «республиканец Лагарп» не рекомендовал Александру торопиться с введением свободы печати в России<sup>15</sup>. Английский ученый Т. Чапмен в монографии «Имперская Россия. 1801–1905» рассматривает значение проектов Сперанского для успешного осуществления реформ императора Александра I. Особенно подчеркивается мнение Сперанского о необходимости введения в России свободы печати и создания условий для выражения общественного мнения в конституционном государстве<sup>16</sup>. Английский историк Дж. Грин в книге «Энциклопедия цензуры» оценивает введение Александром I либерального цензурного устава как проявление рационального подхода, который, в отличие от политики цензурных репрессий прежнего царствования, означал продвижение общества по пути гражданских свобод<sup>17</sup>. Современные российские исследователи, привлекая значительный архивный материал, рассматривают комплекс проблем, связанных с печатью, повышением роли общественного мнения и общей либерализацией внутривластной жизни<sup>18</sup>. В. Я. Гросул исследует общественное мнение и формы его проявления в XIX в., Т. В. Андреева, рассматривая мотивы реформаторских устремлений Александра I, отмечает его желание извлечь уроки из прошедшего и не повторять ошибок предшественников. Автор считает, что политическая концепция молодого царя базировалась на формирующейся новой модели взаимоотношений власти и общества, призванной укрепить связь между монархией и подданными<sup>19</sup>. В указанной модели общественного взаимодействия значительную роль должна была выполнять печать как средство формирования и проявления контролируемого общественного мнения. Однако при трактовке конкретных обстоятельств и политических



причин, обусловивших характер реформ, мнения исследователей существенно расходятся<sup>20</sup>.

Распространение в России второй половины XVIII в. идей эпохи Просвещения способствовало критическому пересмотру сложившейся в стране ситуации<sup>21</sup>. Над решением насущных проблем экономической и политической жизни России задумывались высшие государственные деятели и представители просвещенного дворянства, многие из них были знакомы с современными политическими и философскими произведениями, многие занимались переводом известных сочинений, собирали обширные библиотеки<sup>22</sup>. Граф Бутурлин имел огромную, с любовью и знанием дела собранную библиотеку, одну из полнейших библиотек у частных лиц в Европе<sup>23</sup>. П. А. Вяземский вспоминал, что в московском доме его отца была значительная библиотека, ежегодно обогащаемая новыми произведениями французской литературы. Вельможи и государственные люди вступали в переписку с иностранными писателями<sup>24</sup>. «Любовь, алчность к чтению сильно давали себя чувствовать в высшем обществе. За неимением достаточного количества книг отечественных авторов, образованные и мучимые голодом читатели поневоле должны были кидаться на французские книги»<sup>25</sup>. Поэтому планы правительства по реорганизации цензуры быстро распространились, были восприняты с интересом и вызвали большие надежды, в том числе и на полное уничтожение цензуры<sup>26</sup>.

В царствование Александра I было несколько периодов актуализации проблемы общественного мнения, связанных как с внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими условиями<sup>27</sup>. В 1804 г. начал действовать первый цензурный устав, подготовленный при министерстве народного просвещения<sup>28</sup>. Это был не первый опыт регламентации российской цензуры. В феврале 1802 г. цензура была передана из Управы благочиния гражданским губернаторам<sup>29</sup>. Губернаторы активно вмешивались в дела печати. Это касалось содержания периодических изданий<sup>30</sup>, деятельности книгопродавцев и порядка получения университетами выписанных книг. Например, 18 августа 1802 г. указом императора министру коммерции было предписано<sup>31</sup> пропускать без задержания книги, выписанные для Дерптского университета. «В рассуждении же цензуры тех книг университет имеет право поступать по данным ему предписаниям»<sup>32</sup>. Губернаторы часто выдавали противоположные решения относительно запрещения книг и изданий<sup>33</sup>. На необходимость формирования приемлемых условий для взаимоотношений общества, печати и цензуры обратил внимание М. М. Сперанский. Он пытался наметить принципы решения этой насущной проблемы в записках и проектах, касающихся деятельности министерства народного просвещения<sup>34</sup>.

Рассматривая содержание записок, историка не пришли к единому мнению, был ли

Сперанский только послушным исполнителем воли Александра. Некоторые зарубежные исследователи<sup>35</sup> считают, что Сперанский являл собой совершенно новый тип бюрократического реформатора и всегда оставался хотя и блестящим, но зависимым от самодержца администратором<sup>36</sup>. В проектах и черновых набросках Сперанского есть идеи относительно положения печати в России, формирования общественного мнения и существования цензуры. Критически оценивая российскую действительность<sup>37</sup>, он излагал свои соображения, стараясь избегать политического радикализма. В 1802 г. Сперанский составил записку «О силе общего мнения» в «благоустроенных государствах». В следующей «Записке об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803 г.»<sup>38</sup> он определил условия существования общественного мнения<sup>39</sup>: публичность всех законов правительства (гласность) и «свобода тиснения» (печати) в известных, с точностью определенных границах<sup>40</sup>. Там же реформатор ставит вопросы о тесной связи просвещения, общего мнения (духа народного) и свободы печати: «Каким образом установить общее мнение, сотворить дух народный, без свободы тиснения? Каким образом ввести или дозволить свободу тиснения без просвещения?». Сперанский не мог найти ответов на подобные вопросы и надеялся, что их «разрешит только время»<sup>41</sup>.

Полной «свободы тиснения» реформатор не предусматривал. В первом проекте (1803 г.) Сперанский предполагал отнести цензуру печати к цензуре нравов<sup>42</sup>, в круг полномочий которой входят цензура книг и журналов, пресечение и опровержение вредных правительству слухов и толкований и др.<sup>43</sup>

Наряду с «молодыми друзьями» государя большое влияние на ход преобразований оказывал воспитатель императора Александра, известный Ф. Ц. Лагарп. Во время пребывания в России в 1802–1803 гг. он часто беседовал с императором о предполагавшихся реформах и представил ему множество записок по разным государственным и административным вопросам<sup>44</sup>. Для нас важно отметить, что Лагарп серьезно интересовался делами будущего министерства народного просвещения<sup>45</sup>. Канадский исследователь профессор Чарльз Рууд подчеркивает, что наставник Александра швейцарский республиканец Лагарп, несомненно, ценил права и свободы человека, но он был уверен, что русский народ не готов к свободе печати<sup>46</sup>. Отметим, что в 1802 г. Александр и Лагарп совместно работали над проектами, относящимися к деятельности министерства народного просвещения<sup>47</sup>.

8 сентября 1802 г. был подписан документ о создании министерств. Предполагалось, что министерства станут оперативными, гибкими исполнительными органами, приспособленными к проведению в жизнь преобразовательных начертаний верховной власти<sup>48</sup>.



Ближайшее окружение Александра I составляли единомышленники, разделявшие его идеи – «молодые друзья», Лагарп – и сановники старшего поколения – Воронцовы, Завадовский, Мордвинов, Державин<sup>49</sup>. Люди старой партии просто иначе понимали историю<sup>50</sup>. Новые министерства находились под влиянием двух партий<sup>51</sup>. Ф. Ф. Вигель считал, что «назначением пожилых министров правительство хотело сообразоваться с тогдашним общественным мнением»<sup>52</sup>.

В то же время многие маститые сановники неожиданно увлеклись реформаторскими идеями. «Известный своими добрыми намерениями, обширными сведениями Н. С. Мордвинов кипел в это время проектами... но вообразил себе, что у нас подлинно парламент; мнения, им подаваемые, были столь смелы, что через два года после Павла показали даже мятежными, и он должен был оставить место. Пренебрегая общим мнением, столь выгодным для адмирала Н. С. Мордвинова, за несколько смелых его выражений император внезапно удалил его»<sup>53</sup>. Александр I не терпел проявления большего либерализма, чем он предполагал допустить.

Цензуру вверили министерству народного просвещения. А. Чарторыйский считал, что создание этого министерства было для России замечательным нововведением, принесшим здоровые и обильные плоды<sup>54</sup>. Современные историки также справедливо считают, что в деятельности именно этого министерства в наибольшей степени появился либеральный курс<sup>55</sup>. Министерство народного просвещения возглавил граф П. Завадовский<sup>56</sup>. Из записок П. А. Строганова известно, что, часто беседуя с ним о деятелях прежнего времени, которых можно было привлечь к «делу реформ», император «особенно надеялся на помощь гр. П. Завадовского, личность которого и любовь к вину были известны»<sup>57</sup>. Он не отличался быстротой соображения и не умел схватывать оттенки дела, но между своими сверстниками выделялся сочувствием к новым идеям и вводимым улучшениям, а также безграничной преданностью и полным преклонением перед тем, что исходит свыше<sup>58</sup>. Интересно сопоставить приведенные мнения общества о причинах назначения Завадовского. Мнение о нем императора в письме к Лагарпу: «Сожаления ваши о назначении Завадовского министром народного просвещения весьма бы уменьшились, если б вам известна была организация его министерства. Всем управляет совет<sup>59</sup>, состоящий из Муравьева, Клингера<sup>60</sup>, Чарторыйского, Новосильцева и др. Нет ни одного документа, который бы не был обработан ими, нет человека, назначенного не ими. Частота моих встреч, в особенности с двумя последними, не дает министру чинить препятствия добру, которое мы стараемся делать. Словом, он посажен в министерство только для того, чтобы не кричал, что отставлен»<sup>61</sup>. Интересно, что император излагает в этом письме фактический механизм принятия

решений и стиль работы министерства народного просвещения при составлении цензурного устава.

По мнению А. Чарторыйского, попечителя Московского университета М. Н. Муравьева назначили товарищем министра народного просвещения, «чтобы в обществе не говорили, что эти места специально созданы для “молодых друзей”»<sup>62</sup>. Возможно, что здесь имела значение и репутация Муравьева, близкого к старшему поколению министров и вхожего в литературные круги. На взглядах и в сочинениях М. Н. Муравьева отразилось влияние философии XVIII в., особенно французской. В сочинениях своих он говорил об отвлеченной любви к человечеству, выказывал уважение к свободе, закону, ненависть к деспотизму<sup>63</sup>. Возможно, его авторитет призван был поддержать в глазах общества идею организации министерства, подобного которому не существовало ни в одной из стран Европы<sup>64</sup>.

«К непосредственному ведению министерства народного просвещения были отнесены академии, университеты, главное правление училищ, типографии, цензура, издание ведомостей и всяческих периодических сочинений и др.»<sup>65</sup>. Большую часть работы, по мнению современников, взяли на себя М. Н. Муравьев и его помощник В. Н. Каразин<sup>66</sup>. Главной задачей для министерства народного просвещения являлось создание университетов и цензурного устава.

26 января 1803 г. в министерстве составили «Предварительные правила народного просвещения». В первой главе «О заведении училищ» говорилось: «...п. 30. Цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут»<sup>67</sup>. Когда члены Главного правления училищ рассматривали характер нового цензурного устава, они выбрали вариант предварительной цензуры, которую будут осуществлять цензурные комитеты<sup>68</sup>.

Вариант предварительной цензуры предпочли прежде всего потому, что опасались, что уже изданная книга до ее изъятия и запрещения карательной цензурой могла принести много вреда. На справедливость судебных решений также было мало надежды «ввиду отсутствия компетентных судей». И, наконец, законодатели сомневались, что под угрозой суда «мало кто рискнет заниматься литературой, так как в то время большая часть литераторов была благородного происхождения»<sup>69</sup>. Многие исследователи считают, что такая редакция приближала закон о цензуре к датским установлениям о печати. Дж. Грин считает, что либеральные статьи цензурного устава выражают либерализм власти и веру царя в то, что сознательные люди не нуждаются в мелочном контроле. По мнению исследователя, власти надеялись, несмотря на определенные опасения, что рациональный подход к проблемам свободы печати, гражданской инициативе и ответственности писателей, в отличие от цензурных репрессий



прежнего царствования, будет означать торжество науки и повышение степени гражданской свободы в России<sup>70</sup>.

Уже после начала действия устава цензура продолжала подчиняться непосредственным указаниям монарха и исполнителей «монаршей воли». 5 сентября 1804 г. Н. Н. Новосильцев обратился с запросом в Академию наук<sup>71</sup> о том, что император, усмотрел «с неудовольствием из донесения министра коммерции»<sup>72</sup>, что между иностранными книгами, выписанными академией наук, привезено сочинение о личной жизни императрицы Екатерины II, «которого и самое заглавие показывает, что оно не должно быть впускаемо в Россию». Было приказано «строжайше исследовать и уведомить, для кого эта книга выписана, кем помещена в реестр, и для какого употребления была предназначена»<sup>73</sup>. Здесь также привлекает внимание факт участия в цензурных делах высокопоставленных лиц – министра коммерции, канцлера Румянцева и Н. Н. Новосильцева<sup>74</sup>.

Общество с энтузиазмом отнеслось к либеральному цензурному уставу. Одним из первых откликнулся журнал Н. М. Карамзина «Вестник Европы». В статье<sup>75</sup> о деятельности правительства много говорится о «благотворном влиянии благоразумных узаконений относительно книжной цензуры», благодаря которым появилось «много превосходных сочинений», переведенных на европейские языки. Автор предвидит успехи нового правительства, так как «прозорливостью Александра избраны мужи», обладающие необходимыми знаниями и способностями<sup>76</sup>. Смысл статьи подтверждает вывод исследователей о том, что в тот период между литераторами и правительством возникли самые гармоничные отношения за весь период имперской цензуры<sup>77</sup>. Вскоре в том же «Вестнике Европы» появилась статья нового редактора М. Т. Каченовского «О книжной цензуре в России» со ссылками на доклад министра народного просвещения П. Завадовского и на статьи нового цензурного устава. Там дается сравнение развития печати и просвещения в России и Европе. В начале статьи сообщается, что «Франция и зависящие от нее Итальянские и Южногерманские государства бодро отстают к XIV веку. В Испании Святая Инквизиция истребляет творения великих гениев, писанные для пользы и славы человеческого рода». После описания примеров притеснений печати в Европе автор спешит воодушевить читателя перспективами отечественного просвещения и книгопечатания в рамках справедливой и снисходительной цензуры. «В то время, когда в Австрии запрещен ввоз всех иностранных сочинений, когда в южной Европе воздвигают алтари невежеству, в Италии жгут книги гениев; в любезном отечестве нашем законы всячески ободряют успехи просвещения, охраняя веру, святость власти, нравственность и личную честь

гражданина». Автор статьи не сомневается, что здравомыслящий гражданин и сам, без цензуры, отвернется от произведений «ума буйного и строптивного»<sup>78</sup>. В конце статьи утверждается, что «пройдет еще несколько лет – и поле Российской словесности обогатится памятниками изящного вкуса и учености». Цензурный устав представляется автору «спасительным средством для истинного просвещения и для истинного счастья, которое мудрый Августейший обладатель Севера предписал своему народу»<sup>79</sup>.

И. Пнин, выражая чаяния общества, в «Опыте о просвещении относительно к России»<sup>80</sup> призывал к смягчению цензуры по инициативе властей: «Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное»<sup>81</sup>.

Насколько сбылись надежды, можно судить по истории переиздания «Опыта о просвещении» И. Пнина. Доктор С. Реймер в статье «Традиции и новаторство Пнина» подчеркивает, что Пнин, издатель «Санкт-Петербургского журнала»<sup>82</sup>, известного своим независимым характером, может рассматриваться исследователями как один из самых перспективных писателей Санкт-Петербурга<sup>83</sup>.

В 1803 г. И. Пнин определился в департамент министерства народного просвещения экспедитором первой экспедиции, где были сосредоточены цензурные дела<sup>84</sup>. В 1804 г. он издал книгу «Опыт о просвещении относительно к России»<sup>85</sup>, представил подарочный вариант книги императору, который наградил автора и предложил переиздать «Опыт» на казенный счет с дополнительными рассуждениями по крестьянскому вопросу. Цензура запретила в ноябре 1804 г.<sup>86</sup> переиздание «Опыта» в новом варианте. Когда попечитель Санкт-Петербургского учебного округа П. А. Строганов, который участвовал в переработке содержания книги Пнина, инициировал повторное обсуждение в цензурном комитете, цензоры подтвердили прежнее решение об отказе<sup>87</sup>. В сатирическом произведении «Письмо к издателю»<sup>88</sup> И. Пнин выступил против предварительной цензуры и произвола мнения цензоров<sup>89</sup>. Постепенно формируется круг тем, нежелательных к появлению в периодической печати, и книг, которые «не следует» издавать и выписывать. Цензура ограничивала высказывания о «государственных предметах», политических событиях, конституции, крепостном праве<sup>90</sup>. Здесь можно заметить, что на первом этапе деятельности цензуры были независимы в своих решениях и не поменяли своего мнения даже после повторного предписания попечителя П. Строганова<sup>91</sup>.

При анализе содержащихся в делах Санкт-Петербургского цензурного комитета за 1806 г. рапортах-донесениях цензоров о рассмотренных рукописях и книгах<sup>92</sup> можно отметить, что этот цензурный комитет относился к авторам лояльно.



Например, в рапорте от 11 января сообщается о 22 одобренных делах<sup>93</sup>, следующий рапорт – об одобрении 39 рукописей и пьес<sup>94</sup>. 16 марта 1806 г. в рапорте указано 55 одобренных произведений. Из рассмотренных 69 дел следующего рапорта фиксируется только одно отклонение<sup>95</sup>. Формула одобрительного рапорта была краткой: «...рассмотрел, не нашел ничего противного уставу о цензуре и одобрил к напечатанию». Далее следовала подпись цензора. Сомнение вызывали французские пьесы, пьесы с участием царей, книги по современной истории. 16 марта 1806 г. цензор Яценков отметил в исторической книге «неподобающие выражения» о характере Петра I, противные уставу о цензуре, на стр. 230–233, 276, 279. Цензор решил вынести эту книгу «на рассмотрение комитета»<sup>96</sup>. Из следующего рапорта комитета в марте 1806 г. интересно донесение цензора Тимковского<sup>97</sup> о напечатанной французской пьесе. Цензор требует вынести на обсуждение цензурного комитета первый куплет пьесы на стр. 19 «по причине непристойной шутки на счет преступления заповедей». 10 апреля Тимковский также выносит на усмотрение комитета «неприличие во французской пьесе», а через некоторое время он же требует исключить часть текста из комедии Мольера<sup>98</sup>. В августовском рапорте комитета одобрено 80 произведений и только одна театральная пьеса не одобрена тем же Тимковским<sup>99</sup>. Цензоры этого же комитета приглашались полицией освидетельствовать книжные магазины на предмет благонадежности продаваемой литературы<sup>100</sup>. Для таких акций полиция предварительно собирала сведения о книгах и сочинениях, одобренных комитетом<sup>101</sup>. В 1807 г. цензоры столичного комитета получили замечание от министра по повелению Александра I за разрешение к печати книг «Анекдоты императрицы Екатерины» и «Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию»<sup>102</sup>. Император внимательно следил за книжными и журнальными публикациями и даже планировал издавать газету с целью формирования общественного мнения. В письме к Аракчееву от 18 октября 1809 г. Александр сообщает об учреждении правительственной газеты под названием «Северная почта» или «Новая Санкт-Петербургская газета», особенный надзор над которой император поручил товарищу министра внутренних дел О. П. Козодавлеву. Далее император пишет: «Главнейшая цель сего издания есть та, чтобы, сообщая публике приличные обстоятельству времени сведения..., содержать всегда умы народные в том направлении, которое наиболее соответствует благонамеренным видам правительства». Аракчееву предписывалось сообщать известия по воинской части для помещения в новой газете. Император сам набросал круг безобидных тем о передвижении войск, продовольствии и т. д. Об одержанных победах сообщать предлагалось кратко, но оперативно,

предоставив подробное описание официальным газетам<sup>103</sup>. Впоследствии газета «Северная почта» писала о выгодах свободного книгопечатания и о либеральной конституции<sup>104</sup>.

В первые годы правления Александра I появляется много новых переводов либеральных сочинений, что указывало на признаки небывалого до того времени общественного подъема в России<sup>105</sup>. В 1806 г. было издано переведенное с французского языка и вышедшее с высочайшего соизволения в 1771 г. сочинение Де Лольма об английской конституции. Перевод был посвящен государю. Перевод книги Монтескье «О духе законов» вышел в двух изданиях. Интерес к серьезной литературе был велик не только в среде столичного дворянства, но и в провинции. По свидетельству современников, в одном из уездных городов Воронежской губернии в середине 1810-х гг. у многих жителей, даже купцов и мещан, были коллекции книг серьезного содержания, в том числе Вольтера, Де Лольма, Беккария и Монтескье, в обществе живо обсуждались вопросы внутренней и внешней политики, некоторые даже восхищались представительными формами правления<sup>106</sup>.

В «Санкт-Петербургском журнале», официальном органе министерства внутренних дел, печатались статьи из Бентама «О пользе обнародования отчетов», «О свободе книгопечатания», где одобрялась свобода печати и др.<sup>107</sup>

Можно отметить, что в начале XIX в. заметно проявилась общественная инициатива в выражении стремления к свободе печати. В то же время самодержавная власть сохранила полное влияние на цензуру, все постановления о цензуре стереотипно объявлялись от имени государя.

В любых реформах есть элемент непредсказуемости, риска, возможно, разочарования<sup>108</sup>. Цензурная инициатива правительства была ожидаема либералами и консерваторами и на тот период устроила всех. Великий князь Николай Михайлович выдвинул предположение, что в «стране, где все зависело от воли монарха, Александр никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников»<sup>109</sup>. Возможно, что Александр любил свободу как забаву ума<sup>110</sup>.

В «Записках» Д. П. Рунич, метко охарактеризовав общественные настроения начала XIX в., указал возможные причины лояльности образованных кругов в отношении правительственных инициатив. Думается, что это замечание можно соотносить с реакцией общества на новые цензурные установления и положение печати: «Либерализм обратился в моду... Свобода, которой жаждали... Увы, что это за свобода! Тем не менее, когда могучая рука ослабляет петлю, готовую затянуться, эту руку целуют»<sup>111</sup>. Уже в эти первые годы сказалась основная черта характера Александра, а именно блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но не



подавая вида, что в глубине души его симпатии к предпринятому делу ослабевают<sup>112</sup>.

В заключение можно отметить, что, несмотря на появление либерального цензурного устава, сохранилась «традиционная» для России черта доминирующего влияния монарха на все вопросы, связанные со свободой печати. Поэтому личность монарха, его предпочтения, привычки, образование, мнение окружения напрямую влияли на все цензурные постановления. История первого цензурного устава оказалась весьма показательной в этом отношении. Вслед за императором потеряли интерес к либеральному отношению к печати и бюрократы-чиновники, которые когда-то в него верили.

### Примечания

- 1 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 179.
- 2 *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 133.
- 3 *Пнин И.* Вопль невинности, отвергаемой законами // Классики революционной мысли домарксистского периода. Иван Пнин. М., 1934. С. 105.
- 4 *Пнин И.* Опыт о просвещении относительно к России // Там же. С. 159.
- 5 В то время в Европе чаще всего применялась карательная цензура, когда издателю и автору напечатанного произведения грозили серьезные судебные санкции.
- 6 См.: *Якушкин В.* Из истории русской цензуры // Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1906. С. 22–35.
- 7 *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 4–9.
- 8 *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* М., 2006; *Гросул В. Я.* Указ. соч.; *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4. М., 2003; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- 9 Сборник материалов по проблеме «Власть и интеллект в императорской России» // Отечественная история. 2005. № 4. С. 4.
- 10 *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 26.
- 11 См.: «Вестник Европы» 1802–1818 гг.
- 12 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008; *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–158; *Лемке М. Н.* Пропущенный юбилей // Русская мысль. Кн. 11. С. 34–63.
- 13 *Otto F.* The history of Russian literature: with a lexicon of Russian authors. Oxford, 1839. P. 92–94.
- 14 *Leary D. B.* Education and Autocracy in Russia. Buffalo, 1919. P. 50–51.
- 15 *Ruud Ch. A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto, 2009. P. 25–27.
- 16 *Chapman T.* Imperial Russia, 1801–1905. L., 2001. P. 22–23.
- 17 *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. N.Y., 2005.
- 18 *Гросул В. Я.* Указ. соч.
- 19 *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 136.
- 20 Б. Ананьич, В. Чернуха считают, что Александр I искренне стремился улучшить положение печати. См.: *Ананьич Б., Чернуха В.* Первый шаг к революции // Родина. 1991. № 9–10. С. 28.
- 21 *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* С. 184.
- 22 *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 46.
- 23 *Вяземский П. А.* Мемуарные записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 390.
- 24 Там же. С. 397.
- 25 Там же.
- 26 Записка В. Попугаева «Об отмене всяческой цензуры» была подана в Главное правление училищ, но П. Завадовский оставил ее «без доклада». См.: *Орлов Вл.* Русские посветители 1790–1800 гг. М., 1953. С. 286–364.
- 27 *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 221.
- 28 ПСЗ Российской империи. Собрание первое: в 45 т. Т. 27, № 21388.
- 29 Там же. № 20139.
- 30 *Мартынов А. А.* Из хроники московских чудачеств. Лошадь в очках // Русский архив. 1876. Кн. 3, вып. 11. С. 379–380. Московский военный губернатор И. П. Салтыков предупредил директора Московского университета И. П. Тургенева о недопустимости помещения в «Московских ведомостях» в № 36 за 1802 г. сообщения без его ведома.
- 31 Министр коммерции гр. Н. П. Румянцев посылал обязательные доклады императору с перечнем всех выписанных из-за границы книг.
- 32 Ввоз в Россию запрещенных книг // Русская Старина. 1896. № 8. С. 448. Университеты до введения устава 1804 г. могли сами цензурировать ввозимые книги.
- 33 Например, в 1803 г. сатирическое произведение «Кум Матвей», пропущенное цензурой московского гражданского губернатора, изъяли из книжных лавок по распоряжению генерал-губернатора Салтыкова, а торговцев арестовали. После жалобы книготорговцев император отменил решение Салтыкова.
- 34 О деятельности и личности Сперанского см.: *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 145–153; *Минаева Н. М.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* С. 193–195.
- 35 *Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of imperial Russia. 1772–1839. The Hague: Hyperion Pr., 1981. P. 192–193; *Cristian D.* The political ideals of Michael Speransky // Slavonic and East Europ. rev. L., 1976. Vol. 54, № 2. P. 192–213.
- 36 *Краутхайм Х.-И.* Александр I // Русские цари. 1547–1917 / под ред. Х. И. Торке. М., 1997. С. 385.
- 37 Там же. С. 386.
- 38 *Сперанский М. М.* Записка об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803 г. // Историческое обозрение. Сборник Императорского исторического общества при С.-П. университете. 1901. Т. 11. С. 23.



- <sup>39</sup> См.: *Ананьич Б., Чернуха В.* Указ. соч. С. 25–27.
- <sup>40</sup> *Сперанский М. М.* Записка об устройстве правительственных и судебных мест в России 1803г. С. 23.
- <sup>41</sup> Там же.
- <sup>42</sup> Цензура нравов, по замыслу Сперанского, входила в задачи охранительной полиции или благочиния. См.: *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 6–7.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> *Чарторыйский А.* Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805 гг. С. 138–139.
- <sup>45</sup> По мнению М. Н. Лемке, Лагарп был категорически против свободы печати в России. См.: *Лемке М. Н.* Указ. соч. С. 50.
- <sup>46</sup> *Ruud Ch. A.* Op. cit. P. 25.
- <sup>47</sup> Письма Императора Александра I и других особ царствующего дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С.-Петербург, 1870.
- <sup>48</sup> *Андреева Т. В.* Указ. соч. С. 191.
- <sup>49</sup> В отличие от первых Державин с неприязнью относился к «молодым друзьям», называл их «якобинской шайкой» и осмеял в басне «Жмурки». См.: *Вел. кн. Николай Михайлович* Гр. П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I : в 3 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 119–120.
- <sup>50</sup> *Булич Н. Н.* Очерки из истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. // Историческое обозрение 1901. Т. 11. С. 97–98. Мартынов издавал в 1804–1805 гг. в Петербурге «Северный вестник».
- <sup>51</sup> *Дмитриев И. И.* Указ. соч. С. 180.
- <sup>52</sup> *Вигель Ф. Ф.* Записки. Кн. 1. М., 2003. С. 224.
- <sup>53</sup> Там же. С. 222–223. Н. С. Мордвинов занимал должность морского министра.
- <sup>54</sup> *Чарторыйский А. С.* Указ. соч. С. 167 ; Власть и реформы... С. 192.
- <sup>55</sup> Там же. С. 192.
- <sup>56</sup> Завадовский прослыл между старыми вельможами знатоком русского правописания, что создало ему положение и репутацию ученого. Русская литература его тоже сильно интересовала. См.: *Чарторыйский А.* Указ. соч. С. 171.
- <sup>57</sup> *Вел. кн. Николай Михайлович.* Гр. П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 1. С. 101.
- <sup>58</sup> *Чарторыйский А.* Указ. соч. С. 171–172.
- <sup>59</sup> В Совет при Главном правлении училищ входили попечители учебных округов.
- <sup>60</sup> Генерал Н. Клингер, попечитель Дерптского университета, известный немецкий писатель, «либерал до мозга костей, полный рвения в движении вперед науки и образования». См.: *Чарторыйский А.* Указ. соч. С. 169.
- <sup>61</sup> Письма Императора Александра I и других особ царствующего дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С.-Петербург, 1870. С. 39.
- <sup>62</sup> *Чарторыйский А.* Указ. соч. С. 170.
- <sup>63</sup> Булич. С. 14. См. также о воспитании Александра I: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. ; *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр Первый. М., 2010. С. 37 ; и др.
- <sup>64</sup> *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 418.
- <sup>65</sup> ПСЗ Российской империи. Собрание первое : в 45 т. № 20406.
- <sup>66</sup> *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр Первый. М., 2010. С. 37. Начиная с 1801 г. В. Н. Каразин – доверенное лицо императора в течение нескольких лет.
- <sup>67</sup> ПСЗ Российской империи. Собрание первое. № 20597.
- <sup>68</sup> В задачу данной статьи не входит анализ процесса подготовки цензурного устава. См.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 1–158 ; *Лемке М.* Указ. соч. С. 34–63.
- <sup>69</sup> *Лемке М. Н.* Указ. соч. С. 53–55.
- <sup>70</sup> *Green J.* Op. cit. P. 481.
- <sup>71</sup> Письмо Н. Н. Новосильцева Ф. И. Шуберту // Русская старина. 1896. С. 448.
- <sup>72</sup> Министром коммерции был Н. П. Румянцев, канцлер, более известный как создатель Румянцевского музея и богатого книжного собрания.
- <sup>73</sup> Письмо Н. Н. Новосильцева Ф. И. Шуберту. С. 448.
- <sup>74</sup> Именно Новосильцев предлагал реформу цензуры на основе свободной прессы в Дании.
- <sup>75</sup> В конце статьи подписано: «перевод с немецкого».
- <sup>76</sup> Вестник Европы. 1804. № 21. С. 70.
- <sup>77</sup> *Ruud Ch. A.* Op. cit. P. 24.
- <sup>78</sup> Свободы печати желали образованные читатели и литераторы, большинство боялось лишних умствований и даже «буйства печати». См.: письмо попечителя С.-П. университета П. И. Голенищева-Кутузова к министру народного просвещения А. К. Разумовскому с доносом на «опасные» сочинения Карамзина. Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. № 2. С. 237.
- <sup>79</sup> Вестник Европы. 1805. № 3. С. 202–204.
- <sup>80</sup> Опыт о просвещении относительно к России. Сочинение Ивана Пнина. С дозволения С.-Петербургского гражданского губернатора. СПб., 1804.
- <sup>81</sup> Там же. С. 159.
- <sup>82</sup> См.: *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 2006. С. 86–87.
- <sup>83</sup> *Samuel C. R.* The Traditional and the Modern in the Writings of Ivan Pnin // *Slavic Review.* 1975. Vol. 34, № 3. Sept. P. 539–559.
- <sup>84</sup> В Департаменте министерства народного просвещения в начале 1800-х гг. служили многие молодые литераторы, им покровительствовал начальник департамента. См: Классики революционной мысли домарксистского периода. Иван Пнин. М., 1934. С. 264 ; *Орлов Вл.* Русские просветители. М., 1953.
- <sup>85</sup> Опыт о просвещении относительно к России. Сочинение Ивана Пнина. С дозволения С.-Петербургского гражданского губернатора. СПб., 1804. Книга вышла с дозволения гражданского губернатора С. С. Кушниковова без цензурных придирок. Позже после доноса тираж был конфискован. См. подробно: *Кизеветтер А. А.* Из истории русского либерализма. И. П. Пнин // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 2006. С. 74–101 ; *Гросул В. Я.* Указ. соч. С. 129–130.
- <sup>86</sup> Первый цензурный устав был принят в июле 1804 г.



- <sup>87</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 50. 1804 г. Представление Петербургского цензурного Комитета попечителю Петербургского учебного округа Строганову о запрещении сочинений Пнина.
- <sup>88</sup> Журнал российской словесности. 1805. Ч. 3, № 12. С. 161–168.
- <sup>89</sup> Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. № 2. С. 237.
- <sup>90</sup> РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 64. Предписание министра народного просвещения попечителю Санкт-Петербургского учебного округа о запрещении печатания в периодических изданиях статей политического содержания.
- <sup>91</sup> П. Строганов во время пребывания во Франции вступил в клуб «друзей закона», основанный Роммом 10 января 1790 г. Ромм особенно настаивал на заседаниях своего клуба на «свободе печати» и «гражданских правах». См.: *Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов. Историческое исследование эпохи Александра I.* СПб., 1903. С. 66.
- <sup>92</sup> РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 8.
- <sup>93</sup> Там же. Л. 5, 6.
- <sup>94</sup> Там же. Л. 11, 16, 16 об.
- <sup>95</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 11, 11 об., 16, 16 об., 22, 22 об.
- <sup>96</sup> Там же. Л. 63–63 об.
- <sup>97</sup> Там же. Л. 69–69 об.
- <sup>98</sup> Там же. Л. 70–73, 76.
- <sup>99</sup> Там же. Л. 118.
- <sup>100</sup> О командировании цензора Яценкова для осмотра вместе с полицией книжного магазина Тейлена. Ф. 777. Оп. 1. 1807. Д. 31.
- <sup>101</sup> Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 18.
- <sup>102</sup> Там же. Оп. 118. Д. 91.
- <sup>103</sup> Русская старина. 1870. Т. 1–6. С. 478. С 1812 г. военные известия рассматривались особой цензурой. См.: Положение о цензуре Военно-ученого комитета. ПСЗ Российской империи : в 45 т. Т. XXXII, № 24971.
- <sup>104</sup> *Бокова В. М. Беспокойный дух времени.* С. 37.
- <sup>105</sup> *Краутхайм Х. И. Указ. соч.* С. 386.
- <sup>106</sup> *Семевский И.* Из истории общественных течений в России в XVIII и XIX вв. // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 272–273.
- <sup>107</sup> Там же.
- <sup>108</sup> *Тютюкин С. В.* Интеллект, побежденный властью: Александр I и М. М. Сперанский // Власть и интеллект в императорской России // Отечественная история. 2005. № 4. С. 29–35.
- <sup>109</sup> *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21, 22.
- <sup>110</sup> *Вигель Ф. Ф. Указ. соч.* С. 224.
- <sup>111</sup> Цит. : *Шильдер Н. К. Указ. соч.* С. 141.
- <sup>112</sup> *Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч.* С. 21.

УДК 94(47).082

## АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III И РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Д. Д. Тимиржанов

Саратовский государственный университет  
E-mail: gorkschool@mail.ru

В статье исследуется социально-экономическая обстановка в России конца XIX века. Анализируются последствия мероприятий центральной и местной власти в российской деревне. Показано, что реформы властей ухудшали положение крестьян.

**Ключевые слова:** аграрное законодательство, крестьянство, реформы, Александр III, аграрная политика.

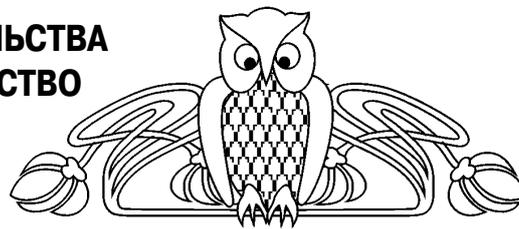
### The Agrarian Legislative Government of Alexander III and the Russian Peasantry

D. D. Timirjanov

The main object of the article is the socio-economic situation in Russia in the end of 19th century. The measures of the central and local administration, applied in the Russian village, have been analyzed within this research. The author resumes that the reforms of the authorities had made the position of the peasantry more complicated.

**Key words:** agrarian legislation, peasants, reform of Alexander III, Agricultural Policy.

В годы царствования Александра II некоторые сановники, местная администрация, поместное



дворянство и значительная часть отечественной интеллигенции требовали от правительства более активного участия в регламентации аграрных отношений. После событий 1 марта 1881 г. эти требования оказались созвучны представлениям большинства сановников Российской империи. Александр III и его ближайшие помощники проповедовали идею государственного патернализма над общественно-экономической жизнью. Наиболее полно этот подход отразил в своей записке «О финансовой политике России» министр финансов Н. Х. Бунге: «...от правительства требуется не столько материальная помощь, как установление надлежащего порядка»<sup>1</sup>.

Для разрешения аграрной проблемы он считал необходимым начать продажу казенных земель, кампанию по переселению избыточного крестьянского населения в Сибирь, упорядочить и сделать равномерным налогообложение различных разрядов крестьян<sup>2</sup>. По этому вопросу к Бунге был близок лидер консервативного крыла